

лал все, чтобы конверт со стихами Дмитриевой журнал вернул нераспечатанным. Оказалось, он так и не простил свою неверную возлюбленную. Все это стало завязкой великой мистификации, придуманной и срежиссированной Максом Волошиным.

В один прекрасный день главный редактор «Аполлона» Сергей Маковский получил письмо на надушенной бумаге с траурным обрезом. Девиз на сургучной печати гласил: «Горе побежденным». В письме были стихи — о шпагах, розах и прекрасных дамах, — подписанные таинственным именем: Черубина де Габриак. Обратного адреса на конверте не было. «Католичка, полуиспанка-полуфранцуженка, аристократка, очень юная, очень красивая и очень несчастная» — следуктировали в «Аполлоне». Особенно заинтригован был сам Маковский. «Вот видите, Максимилиан Александрович, — в тот же вечер говорил он Волошину, показывая стихи Черубины, — среди светских женщин встречаются удивительно талантливые!» А вскоре таинственная Черубина позвонила Маковскому, и начался головокружительный телефонный роман. Влюбился не только Маковский, который хотя бы слышал голос Черубины, но и — заочно — художник Константин Сомов, поэты Вячеслав Иванов, Гумилев, Волошин (по крайней мере, он так говорил), весь Петербург! Когда Черубина сказала по телефону, что опасно больна, на первых страницах газет появились сводки о

Волошин постоянно что-то пристраивал к своему дому: какие-то терраски, сарайчики... Лишь бы было где разместить гостей. 1925—1927 гг.